

АНТОН ПОПОВ

**АГОНИЯ
ВЕЙМАРСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

АНТОН ПОПОВ

Агония Веймарской республики

«Accent Graphics communications»

2017

Попов А.

Агония Веймарской республики / А. Попов — «Accent Graphics communications», 2017

ISBN 978-1-386-96157-4

Однажды в начале девяностых, еще в бытность школьником, мне довелось прочесть в одном серьезном научно-популярном журнале статью, поразившую мое воображение. В ней маститый академик доказывал, что новейшая история России (а дело было между августовским путчем 1991 года и событиями октября 1993-го) имеет полный и буквальный аналог в событиях, происходивших в Веймарской Германии между двумя мировыми войнами – до такой степени, что на основе этой аналогии можно строить точные политические прогнозы. Как любой советский/российский школьник, хорошо учившийся в старших классах, события я те представлял себе весьма приблизительно и в общих чертах: ну да, был в истории Германии такой период после Первой Мировой войны, который называют «Веймарской республикой». Вроде как, в Германии в то время была демократия, но страна переживала какие-то серьезные проблемы. И в конце концов, к власти пришел Гитлер. Сравнение, таким образом, получалось совершенно неутешительное, чтоб не сказать зловещее. Его хотелось обязательно проверить на прочность.

ISBN 978-1-386-96157-4

© Попов А., 2017
© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

В прах: Веймарская республика и гиперинфляция	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антон Попов

Агония Веймарской республики

Однажды в начале девяностых, еще в бытность школьником, мне довелось прочитать в одном серьезном научно-популярном журнале статью, поразившую мое воображение. В ней маститый академик доказывал, что новейшая история России (а дело было между августовским путчем 1991 года и событиями октября 1993-го) имеет полный и буквальный аналог в событиях, происходивших в Веймарской Германии между двумя мировыми войнами – до такой степени, что на основе этой аналогии можно строить точные политические прогнозы. Как любой советский/российский школьник, хорошо учившийся в старших классах, события я те представлял себе весьма приблизительно и в общих чертах: ну да, был в истории Германии такой период после Первой Мировой войны, который называют «Веймарской республикой». Вроде как, в Германии в то время была демократия, но страна переживала какие-то серьезные проблемы. И в конце концов, к власти пришел Гитлер. Сравнение, таким образом, получалось совершенно неутешительное, чтоб не сказать зловещее. Его хотелось обязательно проверить на прочность.

С тех пор утекло много воды. Мне довелось подробно, внимательно и с разных сторон изучить историю той самой Веймарской республики, Европы в целом в этот период, а также нацизма как идеологии и политического течения. С другой стороны, и жизнь нашей страны в это время отнюдь не стояла на месте. Выяснилось, что историческая аналогия с Германией 1920-х остается вполне актуальной и востребованной в глазах части российской интеллигенции, причем к ней время от времени прибегают люди самых разных политических взглядов. Более того, в силу тесной переплетенности с такой сложной и крайне болезненной темой, как нацизм, аналогия эта имеет в глазах многих оттенок «жаренности», сенсационности, и это придает ей особую притягательности и авторитета. Одним она нравится, и поэтому им хочется в нее верить, других она пугает, и потому волей-неволей завладевает их разумом. К сожалению, уровень практических знаний о предмете, демонстрируемый многими «экспертами» оставляет при этом желать много лучшего, а потому тема часто становится предметом досужих и ненаучных спекуляций довольно низкого пошиба. В конце концов, столкнувшись в очередной раз с неграмотностью и плохой информированностью наших современников, я решил заняться просвещением читающей публики самостоятельно, в меру своих скромных сил. Так родился замысел сначала одной статьи об экономическом кризисе в межвоенной Германии, затем серии статей – среди прочего, для того, чтобы ответить на возникавшие вопросы читателей. Идея превратить их в книгу возникла поздно, когда большая часть основного текста была уже написана. На мой взгляд, получившийся труд представляет собой целостную и завершенную структуру, которая в целом дает ответ на те вопросы, которыми я задался впервые в те далекие девяностые. А именно: действительно ли существует аналогия между историей России рубежа XX-XXI веков и Германии 1920-х и начала 1930-х? (Забегая вперед – да, существует, но не совсем такая, какой ее видел автор той давней статьи). Кроме того, и не менее важно: является ли сходство с Веймарской республикой приговором? То есть, грубо говоря, неизбежен ли в Веймарской республике Гитлер? И вот здесь, как выяснилось, ответ будет скорее отрицательный, хоть и с оговорками. В этой книге я как раз и попытаюсь проанализировать события восьмидесяти-девяностолетней давности, чтобы понять, что именно в истории падения Республики было неизбежностью, а что – более-менее исторической случайностью или следствием уникального стечения обстоятельств. Отделив таким образом зерна от плевел, мы попытаемся вместе сделать определенные выводы, имеющие практическое значение для нас здесь и сейчас.

Должен сразу оговориться, что данная книга не является настоящим историческим исследованием – я не ставил себе целью искать и находить новые, ранее неизвестные или забы-

тые факты. Скорее, я ставил себе задачу проанализировать заново хорошо известные факты, предложить их интерпретацию и улучшить тем самым наше понимание причин, внутренних «пружин» и механизмов тех давних событий – а заодно дать читателю в руки весь минимально необходимый инструментарий, чтобы аргументированно согласиться или не согласиться с этим анализом, поверить или не поверить моей интерпретации, или – если будет на то желание – сформировать свою собственную информированную картину этого в высшей степени интересного и важного периода истории. Тешу себя надеждой, что с этой задачей я справился.

Должен предупредить читателя, что путешествие наше по необходимости будет весьма мрачным. Мир 1920-х был довольно-таки мрачным сам по себе, хоть изо всех сил и пытался веселиться. Для Германии он был мрачным в особенности: это мир жестокого кризиса, политических бурь и набирающего силу Гитлера. Со зловещей фигурой Гитлера нам придется познаться довольно близко – во многих случаях, чтобы понять суть происходившего, требуется буквально «влезть ему в голову». Наша задача здесь – не осудить и заклеить его или его идеи – это сделано тысячу раз до нас, и ничто не способно эти оценки изменить или даже поколебать. Но наша задача здесь понять, почему и как он победил, а потому смотреть на него мы будем в основном глазами его современника – как смотрел бы на него образованный и хорошо информированный немец 1920-х, не знающий пока что, к каким страшным последствиям приведут слова и действия данного персонажа. В этом весь смысл. Главный герой этой книги – вовсе не Гитлер. Главный герой – германское общество той эпохи, и именно в понимании того, какие процессы происходили в этом обществе в те тревожные годы, лежат ответы на все наши вопросы.

Хочу поблагодарить людей, которые так или иначе способствовали появлению этого труда. Романа Александровича Сетова, замечательного университетского преподавателя, когда-то впервые привившего мне навыки системного исторического анализа. Егора Просвирнина – блестящего самобытного журналиста и редактора, который первый разглядел в тексте книгу, неожиданно для меня самого. Моих родителей – за бесконечную поддержку и интерес.

И – самое главное – одного человека, без которого точно не была бы написана эта книга, да и вряд ли что-нибудь еще за последние годы. Это тебе, Женя.

В прах: Веймарская республика и гиперинфляция

Первая Мировая война, несомненно, была одной из самых разрушительных катастроф в истории Европы, причем ее разрушительный эффект выходит далеко за рамки потерь, причиненных непосредственно боевыми действиями. Чего стоит хотя бы пандемия «испанки», которая унесла жизней больше, чем сама война, и которая вряд ли достигла бы таких чудовищных масштабов, если бы не военное время. Чего стоит экономическая разруха на половине континента, последствия которой с переменным успехом преодолевались вплоть до начала Второй Мировой двадцать лет спустя. Но самое главное последствие – это, конечно, в полном соответствии с Булгаковым, «разруха в головах» – колоссальная душевная травма, психологический вывих населения всей Европы (и немалой части остального мира). В этом плане Первая Мировая имела более глубокие и далеко идущие последствия, чем Вторая. На фронтах Великой войны погиб целый мир – такой привычный, уютный, цивилизованный, согретый теплым ласковым солнцем под воздушные ритмы вальса. XX век начинался так оптимистично – бесконечной верой в прогресс, в открывающиеся сказочные перспективы будущего, в лучшую природу человека, в то, что большая война навсегда ушла в прошлое. Эта вера умерла от тифа и дизентерии в сырых загаженных окопах, захлебнулась рвотой в газовых атаках, повисла кровавыми ошметками на колючей проволоке под Верденом. Хуже всего была видимая бессмысленность и бестолковость происходившего («в результате упорных и ожесточенных боев, потеряв около 200 тысяч человек убитыми, атакующие смогли продвинуть линию фронта на расстояние до трех километров...»). Смерть старого мира была бесславна, уродлива и лишена какого бы то ни было достоинства. Она была также радикальна и бесповоротна – для огромного большинства участников войны наступление мира вовсе не означало возвращения к привычной реальности и ритму жизни – потому что этой реальности уже попросту не существовало.

Первая Мировая и сопутствовавшие ей социальные катаклизмы обрушили четыре империи – Германскую, Австро-Венгерскую, Российскую и Османскую (примерно в то же время рухнула еще и Китайская, хотя эти события и стоят особняком от Великой войны). По сути, пол-Европы и полАзии погрузились в хаос. Наша собственная Гражданская война затмевает в наших глазах все остальное, что вполне естественно, но мы должны отдавать себе отчет в том, что в те же самые годы немалая часть Европы переживала лишь немногим менее драматичные события (этим, кстати, объясняется и относительная пассивность западных «интервентов», оказавшихся неготовыми прилагать сколь-нибудь значительные усилия, чтобы задавить режим большевиков – у них просто были гораздо более актуальные проблемы ближе к дому). В каждой из бывших империй происходившее имело свою специфику. В России происходили социально-экономические сдвиги тектонического масштаба. Турция утратила большую часть своих территорий и находилась в мучительном и сложном процессе реформирования себя в современное национальное государство, одновременно отбиваясь от хищных соседей. На месте Австро-Венгрии теперь вообще было лоскутное одеяло новых государств, каждое – со своим кипучим национализмом, а посередине этого бурного моря оставался в странном подвешенном состоянии кургузый обрубок собственно Австрии с Веной – роскошным имперским мегаполисом, совершенно не приспособленным быть столицей крошечного государства, экономически едва сводящего концы с концами. Положение Германии также было по-своему уникально.

Будучи главной проигравшей стороной в войне, Германия вынуждена была столкнуться не только с общей экономической разрухой, но и с целенаправленной местью победителей, объявивших немцев единственными ответственными за развязывание войны (что, в отличие от Второй Мировой, было не вполне справедливо). Ситуация в психологическом плане осложнялась еще и тем, что собственное поражение для большинства немцев было совершенно нежиз-

данным, а глубина его – неочевидной. В самом деле, на момент подписания перемирия война нигде не велась на территории собственно Германской империи. Более того, за последний год произошел целый ряд событий, которые, как многим казалось, должны были радикально переломить ход войны в пользу немецкого оружия. Подписание Брестского мира не только вывело из игры Россию, но и знаменовало для Германии колоссальные территориальные приобретения на Востоке, которые должны были, в частности, быстро решить все ее продовольственные проблемы. Наступление 1918 года на Западном фронте (знаменитый *Kaiserschlacht*), хоть и не достигло главных своих целей, но наглядно показало, во-первых, что германская армия еще более чем жива, а во-вторых, что новая экспериментальная тактика вполне способна указать выход из надоевшего всем позиционного тупика. Оба события были широко растиражированы германской пропагандой, в то время как реальная тяжесть стратегического положения Германии, разумеется, замалчивалась. В таких условиях было вполне естественно, что большинство населения Империи (да и многие из немецких солдат на фронте) воспринимали победу в войне как нечто более-менее предрешенное, по сути – вопрос времени. Поэтому подписание перемирия в ноябре 1918 года оказалось для простых немцев чудовищным шоком. Отсюда и возникла расхожая легенда про *Dolchstoß* – «удар в спину», которую затем искусно эксплуатировали нацисты: дескать, германская армия-то войну выигрывала, но вот группа национальных предателей и вредителей в тылу (политиков и финансистов) украла неизбежную, заслуженную, выстраданную немцами победу.

Правда заключалась в том, что стратегическое положение Германии после неудачи весеннего наступления 1918 года, и ввиду того, что ее союзники оказались поставлены на грань неминуемого выхода из войны, было безнадежным. Если бы немцы не начали переговоры о мире, очень быстро последовало бы как раз все то, чего германской публике не хватало для полноценного ощущения поражения – и военный разгром на фронте, и оккупация немецкой территории иностранными армиями. Собственно, это было к тому моменту до такой степени неизбежно, что ни о каких равноправных переговорах с Антантой уже не могло быть и речи – союзники могли диктовать условия (известен характерный диалог французского маршала Фоша с германской мирной делегацией: «Германия хочет обсудить вопрос о мире.» – «Извините, но мы совершенно не заинтересованы в мире. Нам очень нравится эта война, мы хотим ее продолжать.» – «Но мы не хотим, мы не можем больше воевать!» – «А, так вы *просите* о мире? Так это совсем другое дело!»). Собственно, решение о капитуляции было своевременным и мудрым – еще несколько месяцев, и последствия для Германии были бы гораздо более катастрофичными. Но в тот момент немецкий народ был совершенно не в состоянии это понять – немцы оказались заложниками чрезвычайно эффективной государственной пропаганды, которая четыре года трубила им о скорой победе, стоит только немного затянуть пояса и подождать.

Вследствие этого в верхах началось настоящее жонглирование горячей картошкой – никто не горел желанием брать на себя ответственность за столь явно непопулярное решение. К чести германской элиты, это, по крайней мере, не остановило ее от принятия самого решения, что спасло немцам множество жизней. Но это «бегство от ответственности» привело к образованию вакуума власти. Кайзер, обоснованно догадываясь, кто тут сейчас окажется крайним (причем как перед собственным народом за «позорную капитуляцию», так и перед победителями за «развязывание войны»), предпочел отречься от престола и бежать из страны. Военное командование, начав мирные переговоры, тем не менее, самоустранилось от обсуждения окончательных условий мира – слишком уж очевидно было для хорошо информированных людей, насколько некрасивыми эти условия окажутся. В результате понадобилось в спешном порядке формировать хоть какое-то гражданское республиканское правительство, которое смогло бы взять эту незавидную роль на себя.

В этом было фундаментальное отличие Германской революции от Русской. Германский «февраль» (на деле – ноябрь) был в значительной степени навязан внешними обстоятельствами, как бы «спущен сверху» – он не был результатом заговора и целенаправленного переворота, а был скорее вынужденной политической импровизацией. Что касается «октября», то его попытка в Рейхе тоже была. В Германии были свои большевики – «спартакисты» – вполне в духе своих восточных коллег. Более того, на протяжении последнего года перед капитуляцией их влияние в стране ощутиморосло – опять-таки, вполне по «русскому сценарию» – разлагающая пропаганда в армии (и особенно на флоте – как и в России, именно флот стал наиболее питательной средой для мятежа), забастовки на промышленных предприятиях... Особенно эти явления усилились после подписания Брестского мира – в Германии поднялась волна левой пропаганды против его «несправедливых и грабительских» условий. Думается, однако, что все эти явления остались бы лишь эпизодом, если бы дела на фронте для Германии складывались более удачно. Именно скоропостижная капитуляция рейхсвера оказалась настоящим подарком судьбы для революционеров – до нее сколь-нибудь серьезные революционные выступления имели место лишь на флоте, и их до поры как-то удавалось изолировать и сдерживать. После объявления о перемирии (фактически, капитуляции, как для всех быстро стало понятно) по военным частям немедленно покати́лась волна формирования солдатских комитетов. В этом еще одно отличие от России, где именно революция привела к распаду армии и, по сути, капитуляции. В Германии капитуляция была первична, главное разложение последовало за ней.

Импровизированность и непредвиденность германского «февраля» сыграла с немецкими «большевиками» очень злую шутку. По-хорошему, самым логичным выбором для них было бы поддержать республику, затаиться, подрывать изнутри армию, копить силы и ждать удобного момента для перехвата власти – как это и сделали большевики в России. Однако калейдоскопическая скорость событий вскружила им голову, и они пошли на немедленный вооруженный мятеж, пытались захватить власть сразу же, здесь и сейчас, свергнуть разом и монархию, и ново-явленную республику. Так, последний король Баварии, Людвиг III (напомним, что в Германской империи, наряду с кайзером, сохранялись и местные монархические династии – империя была в некотором роде «лоскутная») вынужден был поспешно бежать из своего дворца в компании своих дочерей, только с коробкой сигар подмышкой, тайком пробираясь по темным улицам Мюнхена, где в это время уже провозглашали Баварскую советскую республику, не иначе.

Успехи были очень локальными и недолговечными. Трудно сказать, насколько именно поспешные действия ультралевых подтолкнули германских «февралистов» к такому образу действий, а насколько они сами оказались умнее своих русских собратьев (вероятно, то и другое вместе), но факт остается фактом – германское «временное правительство» пошло на союз с контрреволюционно настроенными сегментами армии (знаменитые «свободные корпуса», фрайкоры) против левых экстремистов – в отличие от российского Временного правительства, которое сделало ровно наоборот – пошло на союз с большевиками против «мятежа» генерала Корнилова. Результатом стала двухлетняя гражданская война – впрочем, гораздо меньшей интенсивности, чем в России – в ходе которой спартакисты и прочие левые были задавлены. Уничтожены они поголовно не были – погибли лишь наиболее одиозные их лидеры, вроде Карла Либкнехта и Розы Люксембург, остальные были загнаны в русло более-менее «легальной» политики, став ядром новой Коммунистической партии Германии. Демократы-республиканцы удержали власть. По сути дела, германская Веймарская республика – это примерно то, чем теоретически могла бы стать «февральская» Россия, при более разумных действиях ее руководства.

Эта республика изначально вынуждена была жить в реальности, сформированной Великой войной и Версальским миром, и реальность эта была весьма недружелюбна. Избежав немедленного политического коллапса, республика толком ничего не могла поделать с катастрофической экономической ситуацией – во-первых, ситуация эта имела к тому времени

довольно глубокие корни и истоки, а во-вторых, во многом она была беспрецедентной, и общество просто не знало, как ее понимать, тем более – что с ней делать.

Для общества, жившего всю жизнь в условиях твердого валютного курса, гарантированного золотым стандартом, инфляция была непонятным и диковинным явлением. Все привыкли, что немецкая марка, французский франк и итальянская лира обменивались более-менее один к одному. Каждая из трех денежных единиц была приблизительно равна (плюс-минус) английскому шиллингу, а 4 или 5 их равнялись одному американскому доллару (который в то время по своей покупательной способности был примерно эквивалентен 30 современным долларам). Так было, сколько люди помнили себя. Какие бы политические бури ни сотрясали общество, деньги всегда оставались стабильным якорем реальности. «Марка остается маркой», любили говорить немецкие банкиры.

Эта ситуация начала исподволь меняться после начала Великой войны, хотя на первых порах мало кто это замечал. Уже вскоре после начала боевых действий стало понятно, что гигантский Молох германской военной машины оказался гораздо прожорливее, чем ожидалось. В этих условиях правительство задумалось о двух взаимосвязанных вещах – во-первых, как финансировать войну, а во-вторых – как сделать так, чтобы золотой запас Империи не растаял полностью прежде, чем она закончится.

В соответствии с Законом о банках от 1875 года не менее одной трети от номинальной стоимости денежной эмиссии должно было быть обеспечено непосредственно золотом, остальное – государственными облигациями сроком не более трех месяцев. В августе 1914 года Рейхсбанк прекратил обмен банкнот на золото. Одновременно были созданы специальные кредитные банки, капитал которых был сформирован очень просто – государство взяло и напечатало столько денег, сколько было нужно, обеспечивая их лишь трехмесячными гособлигациями. Эти банки должны были выдавать займы предприятиям, правительствам земель, муниципалитетам, военным подрядчикам. Вдобавок они должны были финансировать выпуск облигаций военного займа. Таким образом большая часть напечатанных банкнот (чье обеспечение было уже весьма сомнительным) быстро поступили в оборот в качестве законных платежных средств. Самое скверное было то, что механизм позволял повторять эту операцию снова и снова, по мере необходимости. А необходимость возникала с железной неотвратимостью. Реальная покупательная способность марки начала неуклонно снижаться. К концу войны она примерно ополовинилась. Фраза «марка остается маркой» уже превратилась в фикцию, хотя большинство немцев этого еще не понимало. Ведь все фондовые биржи Германии были закрыты до окончания войны, а курсы обмена валют больше не публиковались. Цены на внутреннем рынке выросли, это верно, и вдобавок возник черный рынок с еще более высоким порядком цен, но в этом винили морскую блокаду Германии, а также вызванные ей меры экономии и дефицит импортных товаров – вроде как, вполне естественные и ожидаемые явления в военное время. Какие-то смутные догадки, что с экономикой происходит нечто не совсем хорошее, могли быть лишь у коммерсантов, торговавших с нейтральными странами, вроде Швейцарии. Большинство немцев столкнулись лицом к лицу с суровой реальностью, когда война закончилась, а экономические тяготы отказались уходить вместе с ней. Напротив, очень скоро выяснилось, что перемирие вывело их на принципиально новый уровень.

Уже по тому первичному документу, который был подписан в штабном вагоне на станции Компьень 11 ноября 1918 года, можно было сделать вывод, что окончательные условия мира не принесут Германии ничего хорошего. Помимо чисто военных условий капитуляции (сдача германского флота, вывод войск с территории Франции и Бельгии, эвакуация Эльзаса и Лотарингии), условия перемирия содержали в себе также немедленную сдачу всех германских колоний и оккупацию Рейнской области войсками союзников. Но самым тяжелым для простых немцев был тот факт, что морская блокада Германии оставалась в силе вплоть до подписания окончательного мирного договора.

Союзники не особо утруждали себя каким-то согласованием условий мира с немцами – торг на переговорах шел в основном между разными участниками коалиции. Германия была просто поставлена перед фактом – хотите, принимайте как есть, хотите – нет. Никакого выбора, конечно же, не было. Часто говорят, что условия мира были «унизительными» для Германии. Возможно, но это было лишь полбеды – в конце концов, проигравшей стороне в мировой войне, в ходе которой широко применялось химическое оружие и случались репрессии против мирного населения (в гораздо меньшем масштабе, чем во Вторую мировую, конечно, но для тогдашней Европы и это было страшным шоком), трудно было ожидать, что ее ласково пожурят и отпустят восвояси. Справедливо или несправедливо на Германию возложили моральную ответственность за развязывание войны – вопрос сам по себе академический, думаю, что большинству простых немцев дела до него было немного. Хуже было другое. Условия Версальского мира были страшным ударом для германской экономики – для того, что от нее осталось после четырех лет войны.

Когда говорят о потере территорий (а Германия в соответствии с договором теряла примерно 1/7 своей площади и 1/10 населения), в первую очередь обычно думают о военно-политическом аспекте. Но экономический аспект был как минимум не менее важен. Германия теряла не только территории и население – она теряла их промышленность и экономический потенциал. К тому же, по условиям Версаля, Рейнская область подлежала оккупации Францией на 15 лет – с последующим проведением плебисцита на предмет дальнейшей судьбы территории. Рейнская область, на минутку, была важнейшим источником угля для германской промышленности, и французы получали эксклюзивные права на его добычу на весь срок оккупации. Верхняя Силезия, будущее которой тоже было поставлено в зависимость от результатов плебисцита, также была важным промышленным районом. Имело важнейший экономический аспект и сокращение численности германской армии – ведь оно в одночасье выбрасывало на германский рынок огромное количество свободных рабочих рук, которые было жизненно необходимо чем-то занять. Наконец, самое прямое и катастрофическое влияние имел тот факт, что по условиям мирного договора Германия должна была уплатить огромные репарации (и деньгами, и натурой), выплаты которых должны были растянуться на долгие, долгие годы.

Все эти условия – убийственные сами по себе, способные поколебать любую, даже самую здоровую экономику – упали не в вакуум, а на «плодородную почву» германской финансовой системы военного времени. Помните, это той самой, где правительство покрывало свои экстренные нужды, тупо печатая деньги. А экстренные нужды теперь в одночасье возникли такие, что те 164 млрд марок, в которые Рейху встала Великая война, выглядели сущей безделицей. Что ж, так и германский печатный станок еще ведь далеко не вышел на предел своей производственной мощности...

По состоянию на 1 августа 1914 года британский фунт стерлингов стоил, как мы помним, 20 германских марок (1 марка равнялась 1 шиллингу). В декабре 1918-го он стоил уже 43. На момент подписания Версальского мира в июне 1919-го – 60. К декабрю того же года – все 185. Но это было только начало.

Нам сейчас может показаться странным, но в тот момент почти никто в Германии не связывал стремительный рост цен в стране и утрату покупательной способности марки с денежной эмиссией. Сейчас для нас эта идея абсолютно естественна, но в начале XX века сама ситуация была внове и для широкой публики, и для ученых-экономистов. Новообретенная способность правительства почти произвольно увеличивать денежную массу в стране для покрытия своих нужд (ведь впервые такая методика была опробована каких-то пять лет назад!) многим профессиональным финансистам казалась гениальным открытием, блестящим достижением современной мысли, практически панацеей от всех проблем. И даже сознавая, что покупательная способность национальной валюты почему-то снижается, они яростно отстаивали убежде-

ние, что их новая любимая игрушка, печатный станок, здесь ни при чем – нет-нет, негативные явления вызваны какими-то иными причинами.

Что же касается простых немцев, то они вообще долгое время не осознавали толком, что же именно происходит с их деньгами. Марка ведь остается маркой, не так ли? Если цены растут, значит – либо товаров по каким-то причинам завозят слишком мало, либо поставщики и злодеи-спекулянты завышают цены. Люди видели, как меняются публикуемые в газетах обменные курсы валют, но совершенно не понимали сути происходящего. Видя изменившийся курс, немцы говорили: «Доллар опять растет!» На самом деле, как раз доллар все это время оставался более-менее стабильным. Пала марка. Да и это падение долгое время было похоже не на обвал, а на качели – вверх-вниз. Так, например, в течение 1920 года курс британского фунта вырастал до 230 марок, потом падал до 150, потом вырастал снова. Эти колебания были связаны, в частности, с работой Комиссии по репарациям, созданной странами Антанты. Дело в том, что Комиссия ожесточенно спорила о единой фиксированной сумме выплат (будущий французский премьер-министр Пуанкаре даже подал из-за этих разногласий в отставку с поста председателя комиссии). В момент, когда показалось, что достигнуто приемлемое соглашение, курс марки резко подпрыгнул... но ожидания оказались ложными, а эффект недолговечным. Более того, неожиданный рост марки порядком напугал правительство республики, потому что сразу же вызвал в стране столь же резкий скачок безработицы – до 6 % летом 1920 года (инфляция и безработица обычно находятся в противофазе). В условиях, когда страна только что (как многим казалось) чудом удержалась на краю красной революции, когда забастовки еще следовали одна за другой, страх был вполне понятен. Отныне правительство поставило своей главной целью удержание безработицы на минимально возможном уровне любой ценой. Ценой оказалась смерть марки как платежного средства.

Чтобы покрыть ту сумму репарационных выплат, которая обсуждалась в июне 1920 года, Германии требовалось каким-то образом удвоить доходную часть своего бюджета – потому что этот бюджет едва сходилась даже без учета репараций. Увеличить налоги вдвое? Практически никто (включая британского посланника лорда Д'Эбернона, призывавшего союзников к умеренности) не сомневался, что это повлечет немедленную революцию. Никто в Берлине не был готов идти на такой риск – даже текущий уровень налогообложения многим казался избыточно высоким, а собираемость этих налогов оставляла желать много лучшего. В финансовых кругах Германии царила атмосфера полного упадка и уныния. Банки начали массово выводить капиталы из страны, и никакие правительственные ограничения не в силах были остановить это бегство. Среди людей с деньгами ходило популярное высказывание, что «неуплата налогов отныне является не преступлением, а патриотическим долгом».

Между тем, заседания Комиссии по репарациям продолжались. Споры были ожесточенными, позиция некоторых ее участников – откровенно неконструктивной. Особенно усердствовали французы. Британский премьер-министр Ллойд Джордж в это время едко отметил, что французы никак не могут определиться, чего же они хотят больше – получить наконец какие-то реальные деньги, или просто получить удовольствие, втоптывая Германию в грязь. Совершенно очевидно было, продолжал англичанин, что эти цели были несовместимы.

Наконец, 27 апреля 1921 года Комиссия вынесла окончательное решение. Общая сумма репараций была определена в 132 млрд золотых марок, или 6,6 млрд фунтов. Выплачивать ее предлагалось в следующем порядке – 2 млрд золотых марок фиксированной суммой ежегодно, плюс сумма, равная 26 % суммарной стоимости германского экспорта. Немецкой стороне эти условия были представлены в виде ультиматума, подкрепленного угрозой дальнейших военных санкций (французы угрожали оккупировать Рур). На размышление была дана неделя. Этот «Лондонский ультиматум» вызвал немедленный обвал марки до уровня 268 марок за фунт, и падение правительства канцлера Ференбаха. Новый канцлер, доктор Вирт, принял условия ультиматума (буквально в последний момент, когда французские части уже готови-

лись к выступлению), и это вызвало отскок курса марки до уровня 232. Но передышка была недолгой. Перед новым правительством стояла необходимость как-то выплачивать астрономические суммы репараций – притом, что бюджет уже трещал по швам. Налоги снова поднялись – но это не вызвало заметного облегчения ситуации, лишь еще больше подорвало благосостояние низов общества и привело к вызывающему параду роскоши в верхах – богачи стремились потратить деньги прежде, чем до них доберется государство. Градус социальной напряженности начал заметно расти. Другого выхода не оставалось – правительство снова включило печатный станок на полную мощность.

В июне 1921 года министром реконструкции в правительстве Веймарской республики стал доктор Вальтер Ратенау, видевший свою основную задачу в выполнении требований по репарациям. На протяжении предшествовавших 9 месяцев курс марки колебался вверх-вниз вокруг показателя в 250 марок за фунт, в пределах около 15 пунктов. Очень скоро этим временам относительной стабильности предстояло превратиться в блаженные воспоминания. Июль 1921 года стал рубежом, потому что уже в августе по графику необходимо было произвести первую выплату по репарациям в размере 1 млрд золотых марок. Ратенау удалось найти эту сумму, но лишь половина собранных денег была получена нормальными реалистичными способами (в том числе за счет привлечения иностранных кредитов). Остальное правительство просто напечатало. Курс марки упал до 310. Хуже было то, что правительство совершенно не представляло себе, где будет брать деньги для следующего платежа. А самым худшим, пожалуй, что одновременно со всеми этими чудесами финансовой эквилибристики правительство вынуждено было еще и выплачивать долги по ранее выданным ему кредитам. Проблема была в том, что для этого требовалась иностранная валюта, которой у республики почти не было. Поэтому начиная с августа доверенные лица, действующие по поручению Рейхсбанка, начали скупать иностранную валюту на внешнем рынке практически по любой доступной цене. Их примеру очень быстро последовали частные банки, сначала действуя в интересах германских промышленников и просто частных клиентов, а потом включившись и в самостоятельную спекуляцию. Все это происходило на фоне почти апокалиптических настроений в обществе – немцы пристально наблюдали за наступающим буквально через границу экономическим коллапсом Австрии (австрийская крона упала уже до показателя 3000 за фунт, и не показывала признаков стабилизации). В германской политике царил хаос, что также не способствовало уверенности в завтрашнем дне и доверию к марке. Одно за другим следовали масштабные выступления правых (признанным лидером их в этот период был генерал Людендорф). К парадам и шествиям скоро добавились и политические убийства – 26 августа был убит Матиас Эрцбергер, политик-социалист (к тому же еще и еврей по происхождению), которого правые считали одним из главных фигурантов «удара в спину» в ноябре 1918-го. Интересно, что одним из ведущих политиков-националистов в это время, чьи речи во многом и вдохновили убийц, был ни кто иной, как Карл Хелфферих – бывший имперский министр финансов и отец той самой инфляционной схемы финансирования войны, с которой все и началось. Вполне логично, что это вызвало бурю возмущения со стороны левых всех мастей. Стремясь предотвратить волнения среди социальных низов, правительство объявило о широком повышении зарплат.

По состоянию на октябрь 1921 года бюджет Веймарской республики находился в плачевном состоянии. Расходная его часть (включая платежи по репарациям и расходы на анонсированное повышение зарплат) составляла 113 миллиардов марок, доходная – менее 90 миллиардов. При этом следует учитывать, что рассчитаны эти цифры были, исходя из курса золотой марки в 13 бумажных марок (напомню, что репарации рассчитывались именно в золотых марках), а реальный курс к тому времени был уже на уровне 22 к 1. В результате одни только выплаты союзникам (текущий платеж по репарациям плюс оккупационные расходы) уже оказывались примерно равны всей сумме реальных доходов бюджета (и это при условии высокой собираемости налогов, что представлялось крайне сомнительным). Понятно было, что следу-

ющий платеж по репарациям похоронит данный бюджет окончательно и вызовет новое падение марки.

Правительство доктора Вирта отчаянно балансировало на грани. 17 октября пришли новости о решении Лиги Наций по разделу Верхней Силезии между Германией и Польшей (это при том, что в провинции уже прошел плебисцит, на котором большинство жителей высказалось за то, чтобы остаться в составе Германии). Решение вызвало бурю возмущения и правительство подало в отставку. Однако уже 26 числа Вирт был вынужден вернуться во главе нового правительства, которому пришлось принять силезский ультиматум (лишь зафиксировав свой письменный протест для будущих поколений). Курс марки мгновенно упал до 600 за фунт, и продолжал неуклонно снижаться. Через месяц за фунт давали уже 1040 марок, а еще через месяц – все 1300... Наступающий год не предвещал ничего хорошего – к февралю германскому правительству предстояло найти где-то еще 500 млн золотых марок для выплаты следующего транша репараций. В противном случае на горизонте снова начинала маячить угроза занятия французами Рура... Правительство снова обратилось за помощью к английским банкам, но их ответ был неутешительным. Прежде чем вести речь о выдаче новых кредитов, англичане потребовали, во-первых, навести порядок в государственных финансах (хотя бы сбалансировать бюджет), а во-вторых – достичь какого-то приемлемого соглашения с французами. То и другое было в той ситуации абсолютной утопией. Тем не менее, начавшийся в Лондоне в декабре очередной раунд англо-французской конференции дал немцам небольшой лучик надежды – потому что вскоре после его открытия стороны сделали совместное заявление, в котором признали предстоящий февральский транш нереалистичным. Этого хватило, чтобы марка откачнулась назад к уровню 751.

Тем не менее, надо понимать, что вздох облегчения был весьма относительным. Колебания марки чуть вверх или чуть вниз могли огорчать или радовать политиков и финансистов. У простых немцев был куда более наглядный и насущный индикатор состояния экономики – уровень цен. За прошедшие восемь лет (с 1913 года) цена ржаного хлеба выросла в 13 раз, говядины – в 17, сахара, молока, свинины и картофеля – в среднем в 25, сливочного масла – в 33. И это были официальные цены, в реальности все это можно было купить лишь где-то на треть дороже. Причем примерно 30 % этого роста цен приходилось на последние два месяца 1921-го. Понятно, что в такой ситуации правительство было даже больше обеспокоено опасностью народных волнений, чем назревающим дефолтом. Правящая верхушка и олигархи-промышленники безостановочно искали врага, которого можно было бы назначить ответственным в глазах народа. Виновными назначались то коварные происки зарубежных врагов, то более или менее анонимные «спекулянты» внутри Германии (стремление тех, у кого хоть какие-то деньги водились, потратить их поскорее лишь добавляло остроты к массовому недовольству и ощущению, что кто-то жиреет, пока простые немцы голодают – в Баварии даже попытались принять закон против обжорства).

Между тем, столь обнадежившая было Германию Лондонская конференция завершилась без особых результатов. Вопрос о репарациях отложили на после Нового года, когда была назначена еще одна конференция – в Каннах. Каннская конференция в итоге постановила предоставить Германии мораторий на репарационные выплаты сроком на два месяца (январь и февраль 1922 года), но после завершения этого периода обязать немцев выплачивать по 31 млн золотых марок каждые 10 дней. На этом фоне марка опять начала падать, достигнув в конце января показателя в 850 марок за 1 фунт.

По сути, Германия продолжала неудержимо сползать по скользкому склону к краю пропасти. Она отчаянно брыкалась, цеплялась за каждую кочку, иногда ей удавалось немного притормозить или даже вернуться на шаг-другой назад – но любое облегчение оказывалось недолговечным, очень скоро скольжение возобновлялось. Соседи наблюдали за конвульсиями Германии – некоторые с брезгливым любопытством, другие даже с чем-то похожим на сочув-

ствие, хотя немцам от этого было не легче. Те же англичане, к примеру, смотрели на германские проблемы с гораздо большим снисхождением, чем французы – но при этом они были совершенно не готовы портить отношения со своими ближайшими союзниками, чтобы облегчить участь вчерашнего врага. Французы же просто пылали жадой мести – особенно это стало заметно после того, как их премьер-министром стал Пуанкаре, уроженец Лотарингии, люто ненавидевший немцев и все немецкое. На конференциях с немецкими делегациями обращались как с отбросами – по сути, их вызывали лишь для того, чтобы поставить в известность о принятых решениях, все основные дискуссии союзники по-прежнему вели исключительно между собой. Справедливости ради надо отметить, что их поведение не во всем было таким уж злонамеренным «вредительством» – то, что мы говорили ранее о тотальном непонимании механизмов инфляции, относилось и к союзникам в не меньшей степени, чем к самим немцам. Англичане и французы часто попросту не понимали до конца, какое воздействие их требования оказывали на гибнущую экономику Германии. Впрочем, по крайней мере французам в любом случае было бы все равно.

Тем временем, экономическая ситуация продолжала усугубляться. Предоставленный мораторий истек в конце февраля, после чего Германия столкнулась с необходимостью производить платежи теперь уже три раза в месяц, и неуклонное падение марки возобновилось. В апреле произошел небольшой обратный отскок – в связи с надеждами, которые немецкие финансисты возлагали на Генуэзскую конференцию, назначенную на этот месяц. Надежды не оправдались – Генуя для немцев ознаменовалась лишь подписанием параллельного германо-советского договора в Рапалло, но для немецкой экономики в тот момент этот договор важной роли не сыграл.

Теперь для значительной части населения Германии реальностью стала не только инфляция, но и бедность. Заработная плата в абсолютном выражении теоретически тоже увеличивалась – но к началу 1922 года стало заметно, что цены на многие продукты питания (и, например, уголь, необходимый для отопления) растут опережающими темпами. Исследование, проведенное во Франкфурте-на-Майне в феврале 1922 года, показало, что все проживавшие там дети – всех без исключения социальных классов – отставали в своем физическом и умственном развитии в среднем на два года от нормы. Сказывался дефицит необходимых для здорового развития продуктов – в первую очередь молока (в зимнее время его вообще получали только больные). Тем не менее, номинальный рост зарплат немцев вызывал у широкой публики в соседних странах ощущение, что в Германии все не так уж и плохо, что германское правительство сознательно сгущает краски, даже – что имеет место колоссальное надувательство, в котором участвуют десятки миллионов людей, с целью побудить союзников смягчить справедливо наложенные санкции. Статьи такого содержания регулярно выходили в центральной печати – например, в лондонской «Таймс» в апреле 1922 года. Простым французам или англичанам было трудно понять, что увеличение заработной платы в абсолютных цифрах может отнюдь не означать роста благосостояния, что последнее может определяться не только простым количеством денег на руках, но и их покупательной способностью. Разумеется, в странах-победительницах за время войны также имела место инфляция – но масштабы ее были существенно ниже немецких (в 2-3 раза), и такой рост цен можно было объяснить военными тяготами, дефицитом и разрухой. Между тем, в Германии нарастали настроения всеобщего отчаяния и безнадежности (отмечалось, в частности, резко возросшее число самоубийств), а конца и края бедам еще не было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.